

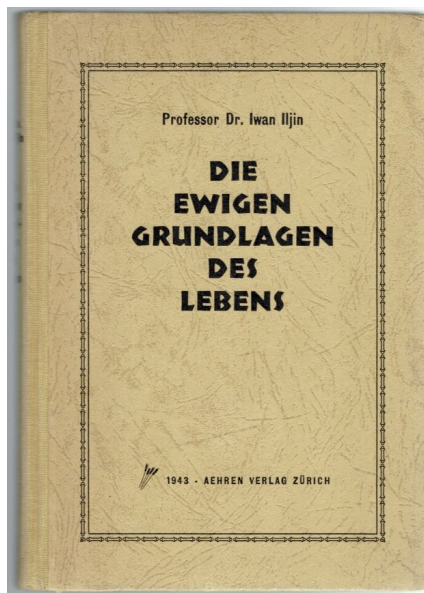

Иван Ильин

О СЕМЬЕ¹

Иван Александрович Ильин

*Обложка немецкоязычного издания,
1943 г.*

¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. Глава V // Религиозный смысл философии. М., 2003. С. 192–218 [Текст печатается по изданию: Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993].

Die ewigen Grundlagen des Lebens. Zürich, 1943 [Вечные основы жизни]. 1-е издание русского варианта под названием «Путь духовного обновления» было издано во второй половине 1930-х гг. (Белград), 2-е, дополненное издание – в 1962 году (Мюнхен).

1. Значение семьи

Семья есть первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. Он призван строить этот союз на *любви*, на *вере* и на *свободе*; научиться в нем первым *совестным* движениям сердца; и подниматься от него к дальнейшим формам человеческого духовного единения – *родине* и *государству*.

Семья начинается с *брака* и в нем завязывается. Но человек начинает свою жизнь в такой семье, которую *он сам не создавал*: это семья, учрежденная его отцом и матерью, в которую он входит одним рождением, задолго до того, как ему удастся осознать самого себя и окружающий его мир. Он получает эту семью как некий *дар судьбы*. Брак по самому существу своему возникает из *выбора и решения*, а ребенку не приходится выбирать и решать: отец и мать образуют как бы ту предустановленную для него судьбу, которая выпадает ему на его жизненную долю, и эту судьбу он не может ни отклонить, ни изменить – ему остается только принять ее и нести всю жизнь. То, что выйдет из человека в его дальнейшей жизни, определяется в его детстве и притом самым этим детством; существуют, конечно, врожденные склонности и дары, но судьба этих склонностей и талантов – разовьются ли они в дальнейшем или поблекнут и если расцветут, то как именно – определяется в *раннем детстве*.

Вот почему семья является *первичным лоном человеческой культуры*. Мы все слагаемся в этом лоне, со всеми нашими возможностями, чувствами и хотениями; и каждый из нас остается в течение всей своей жизни духовным представителем своей отечески-материнской семьи, или как бы *живым символом ее семейственного духа*. Здесь пробуждаются и начинают разворачиваться дремлющие силы личной души; здесь ребенок научается любить (кого и как?), верить (во что?) и жертвовать (чему и чем?); здесь слагаются первые основы его характера; здесь открываются в душе ребенка главные источники его будущего счастья и несчастья; здесь ребенок становится *маленьким человеком*, из которого впоследствии разовьется *великая личность* или, может быть, *низкий проходимец*.

Не прав ли Макс Мюллер¹, когда он пишет: «Я думаю, что там, где речь идет о воспитании детей, к жизни надо подходить, как к чему-то в высшей степени серьезному, ответственному и высокому»? И не прав ли немецкий богослов Толук, утверждая: «Мир управляется из детской»? Мир не только строится в детской, но и разрушается из нее; здесь прокладываются не только пути спасения, но и пути гибели. И если мы подумаем, что «следующее поколение» все время вновь нарождается и воспитывается и что все его будущие подвиги и преступления, его духовная сила и его возможное духовное крушение уже теперь, все время, слагаются и созревают вокруг нас и при нашем содействии или бездействии, то мы сможем отдать себе отчет в том, какая ответственность лежит на нас...

Все это означает, что семья есть как бы живая «лаборатория» человеческих судеб – личных и народных, и притом каждого народа в отдельности и всех народов

¹ Мюллер Макс (1823–1900) – английский филолог-востоковед, специалист по языкознанию, индологии, мифологии.

сообща, с тем отличием, однако, что в лаборатории обычно знают, что делают, и действуют целесообразно, а в семье обычно не знают, что делают, и действуют как придется. Ибо семейная «лаборатория» возникает от природы, на иррациональных путях инстинкта, традиции и нужды; здесь люди не задаются никакой определенной творческой целью, *а просто живут*, удовлетворяют свои собственные потребности, изживают свои склонности и страсти и то удачно, то беспомощно несут последствия всего этого. Природа устроила так, что одно из самых ответственных и священных призваний человека – быть отцом и матерью – делается для человека доступным просто при минимальном телесном здоровье и половой зрелости, так что человеку достаточно этих двух условий, для того чтобы не задумываясь возложить на себя это призвание... «А чтоб иметь детей – кому ума не доставало?!» (Грибоедов). Вследствие этого утонченнейшее, благороднейшее и ответственнейшее искусство на земле – *искусство воспитания детей* – почти всегда недооценивается и продешевляется; к нему и доселе подходят так, как если бы оно было доступно всякому, кто способен физически рождать детей; как если бы существенным было именно зачатие и рождение, а остальное – именно воспитание – было бы совсем не существенно или могло бы делаться как-то так, «само собой».

На самом же деле тут все обстоит совсем иначе. Окружающий нас мир людей таит в себе многое множество личных неудач, болезненных явлений и трагических судеб, о которых знают только духовники, врачи и прозорливые художники; и все эти явления сводятся в последнем счете к тому, что родители этих людей сумели их только родить и дать им жизнь, но открыть им пути к *любви, к внутренней свободе, вере и совести*, то есть ко всему тому, что составляет источник *духовного характера и истинного счастья*, не сумели; родители по плоти сумели дать своим детям, кроме плотского существования, только одни *душевные раны*¹, иногда даже сами не замечая того, как они возникали у детей и въедались в душу; но не сумели дать им *духовного опыта*, этого целительного источника для всех страданий души...

Бывают эпохи, когда эта небрежность, эта беспомощность, эта безответственность родителей начинают возрастать от поколения к поколению. Это как раз те эпохи, когда духовное начало начинает колебаться в душах, слабеть и как бы исчезать; это эпохи распространяющегося и крепнущего безбожия и приверженности к материальному, эпохи бессовестности, бесчестия, карьеризма и цинизма. В такие эпохи священное естество семьи не находит себе больше признания и почета в человеческих сердцах; им не дорожат, его не берегут, его не строят. Тогда в отношениях между родителями и детьми возникает некая «пропасть», которая, по-видимому, увеличивается от поколения к поколению. Отец и мать перестают «понимать» своих детей, а дети начинают жаловаться на «абсолютную отчужденность», водворившуюся в семье; и не понимая, откуда это берется, и забывая свои собственные детские жалобы, выросшие дети завязывают новые семейные ячейки, в которых «непонимание» и «отчуждение» обнаруживаются с новою и большею силою. Непрозорливый наблюдатель мог

¹ Согласно словоупотреблению современной психопатологии – травмы, то есть жгучие, болевые душевные ощущения, следы и последствия которых сохраняются потом в течение всей жизни.

бы прямо подумать, что «время» настолько «ускорило» свой бег, что между родителями и детьми установилась все возрастающая душевно-духовная «дистанция», которую нельзя ни заполнить, ни преодолеть; тут, думают они, нельзя ничего поделаться: история спешит, эволюция с повышенной быстротой создает все новые уклады, вкусы и воззрения, старое стремительно старится и каждое следующее десятилетие несет людям новое и неслыханное... Где же тут «угнаться за молодежью»?! И все это говорится так, как если бы *духовные основы жизни* тоже подлежали веянию моды и технических изобретений...

В действительности это явление объясняется совсем иначе, а именно *заболеванием и оскудением* человеческой *духовности*, и в особенности *духовной традиции*. Семья распадается совсем не от ускорения исторического темпа, но вследствие переживаемого человечеством *духовного кризиса*. Этот кризис подрывает семью и ее духовное единение, он лишает ее главного, того единственного, что может сплотить ее, спаять и превратить в некое прочное и достойное единство, а именно в *чувство взаимной духовной принадлежности*. Половая потребность, инстинктивное влечение создают не брак, а всего только биологическое сочетание (спаривание); из такого сочетания возникает не семья, а элементарное рядом-жительство рождающих и рожденных (родителей и детей). Но «похоть плоти» есть нечто неустойчивое и самовольное; она тянет к безответственным изменам, к капризным новшествам и приключениям; у нее, так сказать, «короткое дыхание», едва достаточное для простого *деторождения* и совершенно несоответствующее задаче *воспитания*.

В действительности человеческая семья, в отличие от «семьи» у животных, есть целый *остров духовной жизни*. И если она этому не соответствует, то она обречена на разложение и распад. История показала и подтвердила это с достаточной наглядностью: великие крушения и исчезновения народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются прежде всего в разложении семьи. Понятно, почему это так было и бывает. Семья есть первоначальная, исходная ячейка духовности как в том смысле, что именно в семье человек впервые научается (или, увы, не научается!) *быть личным духом*, так и в том смысле, что духовные силы и умения (или, увы, слабости и неумения), полученные от семьи, человек переносит затем на общественную и государственную жизнь. Вот почему духовный кризис поражает прежде всего исходную ячейку духовности; если духовность колеблется и слабеет, то она слабеет прежде всего в семейной традиции и в семейной жизни. Но, раз поколебавшись в семье, она начинает слабеть и вырождаться и во всех человеческих отношениях и организациях; больная клетка создает больные организмы.

Только дух имеет достаточно глубокое и длительное дыхание для того, чтобы творчески создавать и поддерживать единство семьи, чтобы успешно разрешать не только «проблему половой любви», но и проблему создания *нового, лучшего и более свободного поколения*, поэтому формула брака звучит не так: «я жажду», или «я желаю», или «мне хочется»; а скорее так: «в любви и через любовь я создаю новую, лучшую и более свободную человеческую жизнь»... Она звучит не так: «желаю наслаждаться моим счастьем», – ибо это была бы формула, уводящая брак на уровень простого спаривания; а скорее так: «я хочу создать свой собственный *духовный очаг* и в этом найти свое счастье»...

Всякая настоящая семья возникает из *любви* и дает человеку счастье. Там, где заключается брак без любви, семья возникает лишь по внешней видимости; там, где брак не дает человеку счастья, он не выполняет своего первого назначения. Научить детей *любви* родители могут лишь тогда, если они сами в браке умели любить. Дать детям счастье родители могут лишь постольку, поскольку они сами нашли счастье в браке. Семья, внутренне спаянная любовью и счастьем, есть школа *душевного здоровья, уравновешенного характера, творческой предприимчивости*. В просторе народной жизни она подобна прекрасно распустившемуся цветку. Семья, лишенная этой здоровой центростремительности, растрачивающая свои силы на судороги взаимного отвращения, ненависти, подозрения и «семейных сцен», есть настоящий рассадник больных характеров, психопатических тяготений, неврастенической вялости и жизненного «неудачничества». Она подобна тем больным растениям, которым ни один хороший садовник не даст места в своем саду.

Если ребенок не научится любви в семье своих родителей, то где же он научится ей? Если он с детства не привыкнет искать счастья именно во взаимной любви, то в каких же злых и дурных влечениях он будет искать счастья в зрелом возрасте? Дети *все* перенимают и *всему* подражают, незаметно, но глубоко вчувствуясь в жизнь своих родителей, тонко подмечая, угадывая, иногда бессознательно следя за старшими наподобие «неутомимых следопытов». И тот, кому приходилось слышать и регистрировать детские высказывания, точки зрения и игры в несчастных и разлагающихся семьях, где жизнь есть сплошное мучительство, лицемерие и надрыв, тот знает, какое больное и гибельное наследство получает от родителей такая несчастная детвора.

Чтобы развиваться верно и творчески, ребенок должен иметь в своей семье очаг любви и счастья. Только тогда он сможет развернуть свои *нежнейшие и духовнейшие* способности; только тогда его собственная инстинктивная жизнь не будет вызывать в нем ни *ложного стыда*, ни *болезненного отвращения*; только тогда он сможет прильнуть с любовью и гордостью к *традиции своей семьи и своего рода* с тем, чтобы принять ее и продолжить ее своей жизнью. Вот почему любовная и счастливая семья есть живая школа сразу *и творческого равновесия души, и здорового органического консерватизма*. Там, где царит здоровая семья, там творчество будет всегда достаточно консервативным для того, чтобы не вырождаться в беспочвенную революционность; а консерватизм будет всегда достаточно творческим для того, чтобы не вырождаться в реакционное мракобесие.

В любовной и счастливой семье воспитывается человек с *неповрежденным душевным организмом*, который сам способен органически любить, органически строить и органически воспитывать. Детство есть счастливейшее время жизни, время органической непосредственности, время уже начавшегося и уже предвкушаемого «большого счастья», время, когда все прозаические «проблемы» безмолвствуют, а все поэтические проблемы зовут и обещают, время повышенной доверчивости и обостренной впечатлительности, время душевной незасоренности и искренности, время ласковой улыбки и бескорыстного доброжелательства. Чем любовнее и счастливее была родительская семья, тем больше *такой* детскости он внесет в свою взрослую жизнь, а это значит, не поврежденнее останется его

душевный организм. Тем естественнее, богаче и творчески продуктивнее расцветет его личность в лоне его родного народа.

И вот главным условием *такой* семейной жизни является способность родителей ко взаимной *духовной* любви. Ибо счастье дается только любовью глубокого и долгого дыхания, а такая любовь возможна только в духе и через дух.

2. О духовно здоровой семье

Напрасно думать, что духовность доступна только людям образованным, людям высокой культуры. История всех времен и народов показывает, что именно образованные слои общества, увлекаясь игрою сознания и отвлеченностями ума, гораздо легче утрачивают ту непосредственную силу доверия к показаниям внутреннего опыта, которая необходима для духовной жизни. Ум, порвавший с глубиной чувства и с художественною силою воображения, привыкает обливаться все ядом праздного, разрушающего сомнения и поэтому оказывается в отношении духовной культуры не строящим, а разрушающим началом. Напротив, у людей наивно-непосредственных эта разрушающая сила еще не начинает действовать. Человек малой «культурности» гораздо более способен прислушиваться к показаниям внутреннего опыта, то есть прежде всего сердца, совести, чувства справедливости, чем человек хотя бы и большой, но *рационалистической* культуры. Простая душа наивна и доверчива, может быть, именно потому она легковерна и суеверна *и верит, где не надо*, зато самый *дар веры* у нее не отнят, а потому она способна верить *и там, где надо*. Пусть духовность ее не критическая, малоразумная, недифференцированная, тянет к мифу и к магии, связана со страхом и может заблудиться в колдовстве. Но духовность ее несомненна и подлинна – и в способности внимать дыханию и зову Божию, и в любви сострадательной, и в любви патриотически-жертвенной, и в известном акте, и в чувстве справедливости, и в способности наслаждаться красотой природы и искусства, и в проявлениях собственного достоинства, правосознания и деликатности. И напрасно образованный горожанин стал бы воображать, будто все это недоступно «необразованному крестьянину»!.. Духовная любовь доступна всем людям, независимо от уровня их культурности. И всюду, где она обнаруживается, она является истинным источником прочности и красоты семейной жизни.

В самом деле, человек призван к тому, чтобы видеть и любить в любимой женщине (или, соответственно, в любимом мужчине) не только плотское начало, не только телесное явление, но и «душу» – своеобразие личности, особливость характера, сердечную глубину, для которых внешний состав человека служит лишь телесным выражением или живым органом. Любовь только тогда не является простым кратковременным вожделением, непостоянным и мелким капризом плоти, когда человек, желая смертного и *конечного*, любит скрытую за ним *бессмертность и бесконечность*; вздыхая о плотском и земном, радуется духовному и вечному; иными словами, когда он ставит свою любовь перед лицом Божием и Божьими лучами освещает и измеряет любимого человека... В этом – глубокий смысл христианского «венчания», венчающего супругов венцом радости и муки, венцом духовной славы и нравственной чести, венцом пожизненной и нерасторжимой духовной общности. Ибо вожделение может быстро пройти, оно бывает подслеповатым.

И предчувствовавшееся наслаждение может обмануть или надоесть. И что тогда?.. Взаимное отвращение прикрепленных друг к другу людей?.. Судьба человека, который в ослеплении связал себя, а прозрев, проклял свою связанность? Пожизненная унижительность ежедневной лжи и лицемерия? Или развод? Прочность семьи требует иного: люди должны желать не только утех любви, но и ответственного совместного творчества, духовной общности в жизни, в страдании и в ношении бремени, по древнеримской брачной формуле: «где ты, Кай, там и я, твоя Кая»...

То, что должно возникнуть из брака, есть прежде всего новое духовное единение и единство – единство мужа и жены: они должны понимать «друг» друга и «делить» радость и горе жизни; для этого они должны однородно воспринимать и жизнь, и мир, и людей. Здесь важно не душевное подобие и не одинаковость характеров и темпераментов, а *однородность духовных оценок*, которая только и может создать единство и общность *жизненной цели* у обоих. Важно то, *чему ты поклоняешься, чему молишься, что любишь, чего желаешь себе в жизни и в смерти, чем и во имя чего ты способен жертвовать*. И вот жених и невеста должны найти друг в друге это одиночество и единолюбие, объединиться в том, что есть важнейшего в жизни и ради чего стоит жить... Ибо только тогда они сумеют, как муж и жена, всю жизнь верно воспринимать друг друга, *верить друг другу и верить друг в друга*. Это и есть самое драгоценное в браке – полное *взаимное доверие* перед Лицом Божиим, а с этим связано и *взаимное уважение*, и способность образовать новую, жизненно сильную духовную ячейку. Только такая ячейка может разрешить главную задачу брака и семьи – осуществить *духовное воспитание детей*.

Воспитать ребенка – значит заложить в нем *основы духовного характера* и довести его до способности *самовоспитания*. Родители, которые приняли эту задачу и творчески разрешили ее, подарили своему народу и своей Родине *новый духовный очаг*; они осуществили свое духовное призвание, оправдали свою взаимную любовь и укрепили, обогатили жизнь своего народа на земле: они сами вошли в ту *Родину*, которую стоит жить и гордиться, за которую стоит бороться и умереть.

Итак, нет более верной основы для достойной и счастливой семейной жизни, как взаимная духовная любовь мужа и жены – любовь, в которой начала *страсти и дружбы* сливаются воедино, перерождаясь в нечто высшее – в огонь всестороннего единения. Такая любовь не только примет наслаждение и радость – и не выродится, не выветрится, не огрубеет от них, но и примет всякое страдание и всякое несчастье, чтобы осмыслить их, освятить их и очиститься через них. И только такая любовь может дать человеку тот запас взаимного понимания, взаимного снисхождения к слабостям и взаимного прощения, терпения, терпимости, преданности и верности, который необходим для счастливого брака.

Поэтому можно сказать, что счастливый брак возникает не просто из взаимной естественной склонности («по милу хорош»), но из духовного сродства людей («по хорошу мил»), которое вызывает непоколебимую волю – *стать живым единством и соблюсти это единство во что бы то ни стало*, и соблюсти его не только напоказ людям, но на самом деле, перед Лицом Божиим. В этом глубочайший смысл религиозного освящения брака и соответствующего церковного обряда. Но это составляет и первое, необходимейшее условие для верного, духовного воспитания детей.

Я уже указывал на то, что ребенок вступает в семью своих родителей как бы в доисторическую эпоху своей личности и начинает дышать воздухом этой семьи со своего первого физического вздоха. И вот в душном воздухе несогласной, неверной, несчастной семьи, в пошлой атмосфере бездуховного, безбожного прозябания не может расцвести здоровая детская душа. Ребенок может приобрести чутье и вкус к духу только у духовно осмысленного семейного очага, он может органически почувствовать *всенародное* единение и единство, только испытав это единство в своей семье, а не почувствовав этого всенародного единства, он не станет живым органом своего народа и верным сыном своей родины. Только духовное пламя здорового семейного очага может дать человеческому сердцу *накаленный уголь духовности*, который будет и греть его, и светить ему в течение всей его дальнейшей жизни.

Так, семья имеет призвание дать ребенку самое главное и существенное в его жизни.

Блаженный Августин сказал однажды, что «человеческая душа – христианка от природы». Это слово особенно верно в применении к семье. Ибо в браке и семье человек *учится от природы* любить, из любви и от любви страдать, терпеть и жертвовать, забывать о себе и служить тем, кто ему ближе всего и милее всего. Все это есть не что иное, как христианская любовь. Поэтому семья оказывается как бы *естественною школою христианской любви*, школою творческого самопожертвования, социальных чувств и альтруистического образа мыслей. В здоровой семейной жизни душа человека с раннего детства обуздывается, смягчается, приучается относиться к ближним с почтительным и любовным вниманием. В этом умягченном, любовном настроении она *предварительно* прикрепляется к тесному, домашнему кругу с тем, чтобы *дальнейшая жизнь* вывела ее в этой самой внутренней «установке» к широким кругам общества и народа.

Далее семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую *духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию*. Из этой семейной традиции и благодаря ей возникла вся наша индоевропейская и христианская культура – культура *священного очага семьи*¹, с ее благоговейным почитанием предков, с ее идеей священной межи, огораживающей родовые могилы, с ее исторически слагающимися национальными обычаями и нарядами. Это семья создала и выносила культуру национального чувства и патриотической верности. И сама идея «родины», лона моего рождения, и «отечества», земного гнезда моих отцов и предков, возникла из недр семьи как телесного и духовного единства. Семья есть для ребенка первое *родное место* на земле: сначала – место-жилище, источник тепла и питания, потом – место осознанной любви и духовного понимания. Семья есть для ребенка первое «мы», возникшее из любви и добровольного служения, где *один стоит за всех и все за одного*. Она есть для него лоно

¹ Всякий образованный человек должен однажды со вниманием прочесть и продумать глубокомысленный труд Фюстель де Куланжа «Древняя гражданская община» (*La cité antique*), вдумываясь особенно в собранный и дословно приведенный этим гениальным историком автентический материал подстрочных примечаний [Фюстель де Куланж Нюма Дени (1830–1889) – французский историк].

естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит всегда открытыми священные врата совести. Она есть для него *школа взаимного доверия и совместного, организованного действия*. Не ясно ли, что истинный гражданин и сын своей родины воспитывается именно в здоровой семье?

Далее ребенок учится в семье верному восприятию авторитета. В лице естественного авторитета отца и матери он впервые встречается с идеей ранга и научается воспринимать высший ранг другого лица, преклоняясь, но не унижаясь, и научается мириться с присущим ему самому низшим рангом, не впадая ни в зависть, ни в ненависть, ни в озлобление. Он научается извлекать из начала ранга и из начала авторитета всю их творческую и организационную силу, в то же время освобождая себя духовно от возможного «гнета» посредством любви и уважения. Ибо только свободное признание чужого высшего ранга научает переносить свой низший ранг без унижения, и только любимый и уважаемый авторитет не гнетет душу человека.

В здоровой христианской семье есть один-единственный отец и одна-единственная мать, которые совместно представляют единый – властвующий и организующий – авторитет в семейной жизни. В этой естественной и первобытной форме авторитетной власти ребенок впервые убеждается в том, что *власть*, насыщенная любовью, является благой силою и что порядок в общественной жизни предполагает наличность такой единой, организующей и повелевающей власти: он научается тому, что принцип патриархального единодержавия содержит в себе нечто целесообразное и оздоровляющее, и, наконец, он начинает понимать, что авторитет духовно старшего человека совсем не призван подавлять или поработать подчиненного, пренебрегать его внутренней свободой и ломать его характер, но что, наоборот, он призван *воспитывать человека к внутренней свободе*.

Так, семья есть первая, естественная *школа свободы*: в ней ребенок должен в первый, но не в последний раз в жизни найти верный путь к внутренней свободе – принять из любви и уважения к родителям все их приказы и запреты во всей их кажущейся строгости, вменить себе в обязанность их соблюдение, добровольно подчиниться им и предоставить своим собственным воззрениям и убеждениям свободно и спокойно созреть в глубине души. Благодаря этому семья становится как бы начальной школой для воспитания *свободного и здорового правосознания*.

Пока семья будет существовать (а она будет существовать, как все природное, вечно), она будет школой *здорового чувства частной собственности*. Нетрудно убедиться, почему это так обстоит.

Семья есть данное от природы общественное единство – в жизни, в любви, в труде, в заработке и в имуществе. Чем прочнее, чем сплоченнее семья, тем обособленнее является ее притязание на то, что творчески создали и приобрели ее родители и родители ее родителей. Это есть притязание на их хозяйственно-овеществленный труд, всегда сопряженный с лишениями, страданиями, с напряжением ума, воли и воображения; притязание на наследственно передающееся имущество, на семейно приобретенную частную собственность, которая является сущим источником не только семейного, но и всенародного довольства.

Здоровая семья всегда была и всегда будет органическим единством – по крови, по духу и по имуществу. И это единое имущество является живым знаком

кровного и духовного единства, ибо это имущество в том виде, как оно есть, возникло именно из этого кровного и духовного единения и на пути труда, дисциплины и жертв. Вот почему здоровая семья учит ребенка сразу целому ряду драгоценных умений. Ребенок научается пробивать себе в жизни дорогу при помощи собственной инициативы и в то же время высоко ценить и соблюдать принцип социальной взаимопомощи, ибо семья, как целое, устраивает свою жизнь именно по частной, собственной инициативе – она есть самостоятельное творческое единство, а в своих собственных пределах семья есть настоящее воплощение взаимопомощи и так называемой «социальности». Ребенок научается постепенно быть «частным» лицом, самостоятельной индивидуальностью и в то же время ценить и беречь лоно семейной любви и семейственной солидарности; он научается самостоятельности и верности – этим двум основным проявлениям духовного характера. Он научается творчески обходиться с имуществом, вырабатывать, создавать и приобретать хозяйственные блага и в то же время подчинять начала частной собственности некоторой высшей, социальной (в данном случае семейной) целесообразности... А это и есть то самое умение или, лучше сказать, *искусство*, вне которого не может быть разрешен *социальный* вопрос нашей эпохи.

Само собой разумеется, что только здоровая семья может верно разрешить все эти задачи. Семья, лишенная любви и духовности, где родители не имеют авторитета в глазах детей, где нет единства ни в жизни, ни в труде, где нет наследственной традиции, может дать ребенку очень мало или же не может дать ему ничего. Конечно, и в здоровой семье могут совершаться ошибки, могут слагаться в том или ином отношении «пробелы», которые способны повести к общей или частичной неудаче. Идеала нет на земле... Однако с уверенностью можно сказать, что родители, которые сумели приобщить своих детей к духовному опыту и вызвать в них процесс внутреннего самоосвобождения, будут всегда благословенны в сердцах детей... Ибо из этих двух основ вырастает и личный характер, и прочное счастье человека, и общественное благополучие.

3. Основные задачи воспитания

Все то, что мы доселе установили о духовно-здоровой семье, как бы предreshает вопрос об основных задачах воспитания.

Можно было бы просто сказать, что все воспитание ребенка, или, во всяком случае, его основная задача, состоит в том, чтобы *ребенок получил доступ ко всем сферам духовного опыта*, чтобы *его духовное око открылось на все значительное и священное* в жизни, чтобы его *сердце*, столь нежное и восприимчивое, *научилось отзываться на всякое явление Божественного* в мире и в людях. Надо как бы повести или сводить душу ребенка во все «места», где можно найти и пережить нечто Божественное¹; постепенно все должно стать ей доступным: и природа во всей ее красоте, в ее величии и таинственной внутренней целесообразности; и та чудесная

¹ Живую картину такого духовного понимания паломничества дает И. С. Шмелев в своем замечательном произведении «Богомолье» [Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950) – русский писатель. Духовный друг И. А. Ильина].

глубина, и та благородная радость, которую дает нам истинное искусство; и неподдельное сочувствие всему страдающему; и действенная любовь к ближнему; и блаженная сила совестного акта; и мужество национального героя; и творческая жизнь национального гения, с его одинокой борьбой и жертвенной ответственностью; и главное – непосредственное молитвенное обращение к Богу, который и слышит, и любит, и помогает. Надо, чтобы ребенок получил доступ всюду, где Дух Божий дышит, зовет и раскрывается как в самом человеке, так и в окружающем его мире.

Душа ребенка должна научиться воспринимать сквозь весь земной шум и сквозь всю неиссякающую пошлость повседневной жизни священные следы и таинственные уроки Всевышнего, воспринимать их и следовать им, чтобы, внемля им, всю жизнь «обновляться духом ума своего» (Ефес. 4,23). Подобно тому, как однажды выразил это Лафатер: «Внимай тихому гласу вещающего в тебе Господа»... Чтобы ребенок, вырастая и входя в пору зрелости, привык *искать и находить во всем некий высший смысл*, чтобы мир не лежал перед ним плоской, двумерной и скудной пустыней, чтобы он мог сказать миру вещей словами поэта:

Кругом обставшие меня
Всегда безмолвные предметы,
Лучами тайного огня
Вы осиянны и согреты¹...

И мог закончить свою жизнь словами глубокомысленного созерцателя Баратынского:

Велик Господь! Он милосерд, но прав.
Нет на земле ничтожного мгновенья...²

Духовно живой человек всегда внемлет Духу: и в событиях дня, и в невиданной грозе, и в мучительном недуге, и в крушении народа. И, вняв, отзывается не пассивно-созерцательным пиетизмом, но и сердцем, и волей, и делом.

Итак, самое важное в воспитании – это *духовно пробудить ребенка* и указать ему перед лицом грядущих трудностей, а может быть, уже подстерегающих его опасностей и искушений жизни *источник силы и утешения в его собственной душе*.

Как бы странно и сомнительно ни прозвучало это указание для педагогически не искушенного человека, но по существу оно остается непоколебимым: самое большое значение имеют первые пять – шесть лет детской жизни, а в следующее за ними десятилетие (с шестого по шестнадцатый год жизни) многое, слишком многое завершается в человеке чуть ли не на всю жизнь. В первые годы детской жизни душа ребенка так нежна, так впечатлительна и беспомощна... Она как бы плывет в потоке наивной, непосредственной доверчивости и некоего как бы пред-мирного «всесмешения»: «свет и тьма», «твердь и вода» еще не отделены друг от друга,

¹ Фёдор Сологуб (Тетерников) [Сологуб Фёдор Кузьмич (1863–1927) – русский поэт, писатель, драматург, публицист, переводчик].

² «На посев леса».

и свод, имеющий потом отделить дневное сознание от нашей бессознательной сферы, еще не создан в процессе вытеснения¹. Этот свод, который будет потом всю жизнь обуздывать кипение страстей и замыкать томление аффектов, подчиняя их творческой жизненной целесообразности, находится еще в стадии возникновения. В этот период жизни впечатлениям открыта последняя глубина души, она вся все-му доступна и не защищена никакой защитной броней, все может стать или уже становится ее судьбой, все может повредить ребенку или, как говорит народ, «испортить ребенка». И действительно, все вредное, дурное, злобное, потрясающее или мучительное, что ребенок воспринимает в этот первый, роковой период своей жизни – все причиняет ему душевную рану («травму»), последствия которой он потом влачит в себе через всю жизнь то в виде нервного подергивания, то в виде истерических припадков, то в виде уродливой склонности, извращения или прямой болезни. И обратно, все то светлое, духовное и любовное, что детская душа получает в эту первую эпоху, приносит потом в течение всей жизни обильный плод. В эти годы ребенка надо беречь, не терзать его никакими страхами и наказаниями, не будить в нем преждевременно элементарные и дурные инстинкты. Однако упускать эти годы в смысле духовного воспитания было бы столь же недопустимо и непростительно. Надо сделать так, чтобы в душу ребенка проникало как можно больше *лучей любви, радости и Божией благодати*. Здесь надо не баловать ребенка, не потакать его капризам, не изнеживать его и не топить его в физических ласках, но заботиться о том, *чтобы ему нравилось, чтобы его умиляло и радовало все то, что есть в жизни божественного*: от солнечного луча до нежной мелодии, от жалости, сжимающей сердце, до прелестной бабочки, от первой лепетом сказанной молитвы до героической сказки и легенды... Родители могут быть твердо уверены: здесь ничто *не пропадет, ничто не канет бесследно*, все даст плоды, все принесет хвалу и совершение. Но пусть никогда ребенок не будет для родителей игрушкой и забавой, пусть он будет для них нежным цветком, который нуждается в солнце, но который так легко может *незаметно быть надломлен*. Именно в эти первые годы детства, когда ребенок считается «несмышленищем», родители должны помнить при всяком обхождении с ним, что дело не в их родительских восторгах, наслаждениях и забавах, а в состоянии детской души, *абсолютно впечатлительной* и (именно вследствие «несмыслия» своего) *абсолютно беспомощной*...

Итак, до пяти – шести лет, то есть до самого «вытесняющего» перелома в детской душе, ребенка нужно душевно беречь, как нежный цветок, с тем, чтобы затем постепенно изменить весь тон воспитания, ибо после периода *душевной теплицы* должен наступить период душевного закала: ребенок должен приучаться внутренне к самообладанию и к высоким требованиям, и этот процесс дастся ему тем легче, чем меньше «травм» он вынесет из первого периода. В нежнейшую эпоху своей жизни ребенок должен привыкнуть к семье – к любви, а не к ненависти и зависти, к спокойному мужеству и самодисциплине, а не к страху, унижению, доносам и предательству. Ибо, воистину, мир можно пересоздать, перевоспитать из детской, но в детской же можно его и погубить.

¹ Разумею этот термин в том смысле, который придан ему основополагающими открытиями и формулами создателя современной психопатологии Зигмунда Фрейда.

Духовная атмосфера здоровой семьи призвана привить ребенку потребность в чистой любви, склонность к мужественной искренности и способность к спокойной и достойной дисциплине.

Чистота любви, о которой здесь идет речь, имеет в виду эротическую сторону жизни.

Вряд ли есть что-нибудь более вредное для жизни и для всей судьбы ребенка, как слишком раннее эротическое пробуждение его души, в особенности если это пробуждение происходит в той форме, что ребенок начинает воспринимать жизнь пола как что-то низменное и грязное, как предмет тайных мечтаний и постыдных забав или еще – если это пробуждение вызывается неосторожностями или прямыми грубостями со стороны нянек, воспитателей или родителей...

Вредность преждевременного эротического пробуждения состоит в том, что на юную душу возлагается непосильная задача, которую она не может ни разрешить, ни изжить, ни достойно понести и устранить. Тогда ребенок оказывается без вины виноватым и безысходно обремененным, начинается бесплодная и нечистая работа воображения, сопровождающаяся судорожными попытками вытеснить весь этот непосильный заряд и в то же время болезненными напряжениями нервной системы. Начинаются внутренние конфликты и страдания, с которыми ребенок не может справиться, и ответственность эта превышает его душевные силы, в последней родовой глубине инстинкта начинается болезненное смятение, о котором ребенок не может даже совсем высказаться, и весь организм души и тела оказывается выведенным из равновесия. Большинство так называемых «дефективных» детей проходит этот страдальческий путь без всякой вины и очень редко встречает со стороны взрослых чуткое понимание и помощь...

Нередко бывает и хуже, именно когда кто-нибудь из «товарищей» или взрослых, испорченных дурным опытом, начинает «просвещать» (то есть портить) ребенка в вопросах половой жизни. Там, где для чистой и целомудренной души, собственно говоря, нет ничего «грязного» («ибо всякое творение Божие хорошо». По Тимофею. I. 4. 4.), несмотря на все человеческие несовершенства, заблуждения и болезни, потому что «грязное», чисто воспринятое, есть уже не «грязное», а больное или трагическое, там в душе такого несчастного ребенка *искажается жизнь воображения и развращается жизнь чувства*, причем это искажение и развращение может излиться в неисцелимое душевное уродство. Душевное восприятие такого ребенка становится пошлым или полуслепым: он как бы *не видит чистого* в жизни, а видит во всем двусмысленное и грязное, с этой точки зрения он начинает воспринимать всю человеческую любовь, и притом не только ее чувственную сторону, но и духовную. Чистое осмеивается, интимное и нежное забрасывается уличной грязью, здоровый половой инстинкт начинает тянуть к извращениям, все священное в любви, в браке и в семье оказывается вывернутым, оскверненным и утраченным. Там, где уместно благоговейное молчание, шепот или молитва, водворяется атмосфера двусмысленных улыбок и плоского подмигивания. Душевное целомудрие гибнет, воцаряется бесстыдство и бесцеремонность, все священные удержки и запреты души колеблются, ребенок оказывается душевно растленным и как бы проституированным. Человек переживает целое душевное опустошение, в его «любви» отмирает все священное и поэтическое, чем живет и строится

человеческая культура, начинается разложение семьи. Можно было бы прямо сказать, что в процессе современного разложения семьи и связанной с ним большевизации нравов вреднейшее и разрушительное значение принадлежит *непристойному анекдоту*, внесенному в *детскую*. Порнография есть одно из величайших зол в деле воспитания, и чем скорее родители, воспитатели и духовники объединятся между собою для того, чтобы повести против нее решительную и неутомимую борьбу, полную осторожного такта и психологического искусства, тем лучше будет для всего человечества.

Еще одна серьезная опасность грозит эротически чистой любви ребенка от неосторожных или грубых родительских проявлений.

При этом я имею в виду прежде всего так называемую «обезьянью» любовь родителей, то есть слишком чувственную влюбленность их в ребенка, которого они то и дело волнуют всевозможными и неумеренными физическими ласками, заигрываниями, щекоткой, возней, не постигая безрассудства и вредоносности всего этого, этим они, с одной стороны, вызывают в душе ребенка целый поток напрасного и неутолимого возбуждения и причиняют ему ненужные душевные «травмы», с другой стороны, избаловывают и изнеживают его, подрывая его способность к выдержке и самообладанию¹.

Наряду с этим надо поставить и всевозможные неумеренные проявления взаимной любви родителей в присутствии детей. Супружеское ложе родителей должно быть прикрыто для детей целомудренной тайной, хранимой естественно и подчеркнуто, пренебрежение этим вызывает в душах детей самые нежелательные последствия², о которых следовало бы написать целое научное исследование... Во всем и всегда есть некая правильная и драгоценная *мера*, которую люди должны блюсти, а в данном случае эта мера может быть подсказана только живым чувством такта и в особенности *врожденным женщине естественным и мудрым целомудрием*.

Помимо всего этого, должны быть особо упомянуты те разрушительные для семейной жизни взаимные «супружеские измены» со стороны родителей, которые дети подмечают с таким ужасом и переживают так болезненно: иногда такие события переживаются детьми как настоящие душевные катастрофы. Родители всегда должны помнить о том, что дети не просто «воспринимают» отца и мать или «подмечают» за ними, но что они в глубине своей души *идеализируют их, мечтают о них и тайне жаждут видеть в них идеал совершенства*³. Конечно, с самого начала ясно, что каждому ребенку предстоит пережить в этом вопросе некоторое разочарование, ибо совершенных людей нет, совершенство принадлежит одному

¹ Особенно вредно является дурная манера многих родителей брать ребенка к себе в кровать. По последствиям своим эта манера, может быть, еще вреднее жестоких телесных наказаний вроде порки.

² Особенно в крестьянском и вообще простонародном быту, где теснота помещения снимает все покровы целомудрия и подрывает в душах детей естественный пиетет к родителям. Наука однажды откроет здесь душевный источник, из которого выросло самое постыдное человеческое ругательство, известное у многих народов.

³ Это настроение глубоко и тонко изображено в «Подростке» и «Неточке Незвановой» Достоевского.

Богу. Но это неизбежное разочарование не должно приходить слишком рано, оно не должно обрушиваться на ребенка в виде катастрофы. Тот час, когда ребенок *утрачивает уважение* к отцу или матери, хотя бы никто не заметил этого крушения, хотя бы и сам ребенок пережил его в молчаливом разочаровании или даже отчаянии, этот час обозначает собою духовную катастрофу семьи, и редкой семье удастся оправиться впоследствии от этой катастрофы.

Словом, счастливый ребенок наслаждается в счастливой семье *эротически чистой атмосферой*. Для этого родителям необходимо *искусство духовно-целомудренной любви*.

Второй особенностью здоровой семьи является атмосфера *искренности*.

Родители и воспитатели не должны *лгать* детям ни в каких важных, значительных обстоятельствах жизни. Всякую ложь, всякий обман, всякую симуляцию или диссимуляцию ребенок подмечает с чрезвычайной остротой и быстротой и, подметив, впадает в смущение, соблазн и подозрительность. Если ребенку нельзя сообщить чего-нибудь, то всегда лучше честно и прямо отказать ему в ответе или провести определенную границу в осведомлении, чем выдумывать вздор и потом запутываться в нем или чем лгать и обманывать и потом быть изобличенным детской проницательностью. И не следует говорить так: «Это тебе рано знать» или «Этого ты все равно не поймешь», – такие ответы только раздражают в душе ребенка любопытство и самолюбие. Лучше отвечать так: «Я не имею права сказать тебе это, каждый человек обязан хранить известные секреты, а допытываться о чужих секретах неэтично и нескромно». Этим не нарушается прямота и искренность и дается конкретный урок долга, дисциплины и деликатности...

Родителям и воспитателям совершенно необходимо понять, что переживает ребенок, встречая с их стороны ложь или обман. Ребенок прежде всего теряет непосредственное *доверие* к родителям, он наталкивается на стену неправды в них, и чем холоднее, изворотливее, циничнее преподносится ему эта неправда, тем ядовитее она оказывается для детской души. Поколебавшись в доверии, ребенок становится *подозрителен* и ждет новой лжи и обмана, он колеблется и в своем *уважении* к родителям. В силу естественной подражательности он начинает отвечать им тем же, постепенно *замыкается* от них и приучается сам *лгать и обманывать*. Это переносится и на других людей, у ребенка появляется склонность к *хитрости и неверности* вообще. В нем исчезает ясность и прозрачность души, он начинает жить сначала мелкими, а потом и крупными *самообманами*. Кризис доверия вызывает (рано или поздно) и кризис веры, ибо вера требует душевной цельности и искренности. И так все основы духовного характера приходят у ребенка в состояние кризиса или оказываются просто подорванными. В душе водворяется та атмосфера *лукавства, притворства и малодушия*, к которой человек постепенно привыкает настолько, что перестает замечать ее, а из этой атмосферы и вырастают потом все большие *интриги и предательства*.

Никогда из лживой, пролганной семьи не выйдет искренний, верный и мужественный человек, разве только в порядке отвращения к своей семье и духовного преодоления ее наследия. Ибо ложь растлевает человека, незаметно проникая из невинных пустяков в глубину священных обстоятельств, и удержать ее действие на поверхности житейских пустяков могут только люди с уже сложившимся духовным

характером, люди, уже утвердившиеся в Боге. И если в современном мире все кишит открытой ложью, обманом, неверностью, интригой, предательством и изменой своей Родине, то это несчастье имеет свои корни в двух явлениях: во всеобщем *религиозном кризисе* и в атмосфере *семейной лживости*. Из семьи, где все построено на фальши и трусости, где сердце утратило искренность и мужество, в общество и в мир вступают только фальшивые люди. Но там, где в семье царит и ведет дух прямоты и искренности, там дети оказываются предрасположенными к честности и верности. Лживость в детской ядовита тем, что она приучает человека к нечестности наедине с собою и к подлости с другими.

Есть особое *искусство правдивости и искренности*, которое нередко требует от человека больших совестных напряжений внутри и большого такта в общении с людьми и, сверх того, всегда мужества. Это искусство дается нелегко, но в здоровых и счастливых семьях оно процветает всегда.

Наконец, особенностью здоровой и счастливой семьи является *спокойная, достойная дисциплина*.

Такая дисциплина не может возникнуть из атмосферы родительского *террора*, от кого бы он ни исходил – от отца или от матери. Такая система террора, поддерживаемая криками и угрозами, моральным гнетом или телесными наказаниями, вызывает у здорового ребенка чувство возмущения, легко переходящее в отвращение, ненависть и презрение. Ребенок чувствует себя *униженным* и не может не возмущаться: эта система изливает на него поток *оскорблений*, и он не может не противостоять им. Эти унижения и оскорбления он может, что называется, «проглатывать» и сносить молча, но его бессознательное никогда не изживет этих травм и не простит их родителям. Там, где семейная власть осуществляется угрозами и страхом, там на каждом шагу ощущается *враждебная напряженность*, там воцаряется система «*защитного обмана*» и *лукавства*, там оба поколения остаются, быть может, еще в состоянии пространственного рядом-жительства, но семья как живое, органическое единство, держащееся силою взаимной любви и доверия, оказывается разрушенной. Дети, униженные угрозами, наказаниями и вечным страхом, защищаются *всеми* средствами и постепенно приучаются, иногда сами того не замечая, к *внутренней вседозволенности*. И если эта атмосфера вседозволенности устанавливается в их отношении к родителям, то чего же можно будет ждать от них в их отношении к другим, посторонним людям? Восстание против родителей переворачивает в человеческом сердце все нормальные основы общежития: чувство ранга, идею свободно признанного авторитета, начала лояльности, верности, дисциплины, чувство долга и правосознание, – и семейный террор оказывается одним из главных источников *общественной деморализации и политической революционности*. Семья становится школой вечного, несытого бунтарства, и проявления его могут стать фатальными в жизни народа и государства.

Настоящая, подлинная дисциплина есть по существу своему не что иное, как *внутреннее самообладание, присущее самому дисциплинированному человеку*. Она не есть ни душевный «механизм», ни так называемыми «условный рефлекс». Она присуща человеку изнутри, душевно, органически, так что если в ней есть элемент «механизма» или «механичности», то дисциплина все-таки органически предписывается человеком *самому себе*. Поэтому настоящая дисциплина есть прежде всего проявление *внутренней свободы*, то есть духовного самообладания и самоуправления. Она принимается

и поддерживается *добровольно и сознательно*. Труднейшая часть воспитания и состоит в том, чтобы укрепить в ребенке волю, способную к автономному самообладанию. Способность эту надо понимать не только в том смысле, чтобы душа умела *сдерживать и понуждать* себя, но и в том смысле, чтобы это было ей *нетрудно*. Разнузданному человеку всякий запрет труден – дисциплинированному человеку всякая дисциплина легка, ибо, владея собой, он может уложить себя в любую благую и осмысленную форму. И только владеющий собою способен повелевать и другими. Вот почему русская пословица говорит: «Превысокое владительство – собою владеть»...

Однако эта способность владеть собою, которая дается человеку тем труднее, чем страстнее и разностороннее его душа, не должна превращать внутреннюю жизнь в какое-то подобие тюрьмы или каторги. Поистине настоящая дисциплина и организация имеется лишь там, где, образно выражаясь, последняя капля пота, вызванная дисциплинирующим и организующим усилием и напряжением, стерта с чела или, еще лучше, где усилие было легко и напряжение совсем не вызвало ее. Дисциплина не должна становиться высшей или самодовлеющей целью, она не должна развиваться в ущерб свободе и искренности в семейной жизни, она должна быть *духовным умением* или даже *искусством* и не должна превращаться в тягостный догмат или в душевное каменение, она не должна парализовать любовь и духовное общение в семейной жизни¹. Словом, чем *незаметнее* прививается детям дисциплина и чем *менее* она при соблюдении ее *бросается в глаза*, тем удачнее протекает воспитание. И если это достигнуто, то дисциплина удалась и задача разрешена. И, может быть, для ее удачного разрешения лучше всего положить в основу самообладания свободный совестный акт.

Итак, есть *особое искусство повеления и запрета*, оно дается нелегко. Но в здоровых и счастливых семьях оно цветет всегда.

Однажды Кант высказал о воспитании простое, но верное слово: «Воспитание есть величайшая и труднейшая проблема, которая может быть поставлена человеку». И вот эта проблема действительно раз и навсегда поставлена огромному большинству людей. Разрешение этой проблемы, от которой всегда зависит будущность человечества, *начинается* в лоне семьи, и заменить семью в этом деле ничто не может, ибо только в семье природа дарует необходимую для воспитания *любовь*, и притом с такой щедростью, как нигде более. Никакие «детские сады», «детские дома», «приюты» и тому подобные фальшивые замены семьи никогда не дадут ребенку необходимого, ибо главной силой воспитания является то *взаимное чувство личной незаменимости*, которое связывает родителей с ребенком и ребенка с родителями связью единственной в своем роде – таинственной связью *кровной любви*. В семье, и только в семье, ребенок чувствует себя единственным и незаменимым, выстраданным и неотрывным, кровью от крови и костью от кости; существом, возникшим в сокровенной совместности двух других существ и обязанным им своей жизнью; личностью, раз и навсегда приятною и милою во всем ее телесном-душевном-духовном своеобразии². Это не может быть ничем заменено,

¹ Этими крайностями нередко грешит английское воспитание, покоящееся на волевом подавлении эмоций.

² Ср. русскую поговорку: «Дитя хоть гнило, а отцу-матери мило».

и как бы трогательно ни воспитывался иной приемыш, он всегда будет вздыхать про себя о своем кровном отце и о своей кровной матери...

Именно семья дарит человеку *два священных первообраза*, которые он носит в себе всю жизнь и в живом отношении к которым растет его душа и крепнет его дух: *первообраз чистой матери*, несущей любовь, милость и защиту, и *первообраз благого отца*, дарующего питание, справедливость и разумение. Горе человеку, у которого в душе нет места для этих зиждительных и ведущих первообразов, этих живых символов и в то же время творческих источников *духовной любви и духовной веры!* Ибо поддонные силы его души, не пробужденные и не взлелеянные этими благами, ангелоподобными образами, могут остаться в пожизненной скованности и мертвости.

Суровой и мрачной стала бы судьба человечества, если бы однажды в душах людей до конца иссякли эти священные источники. Тогда жизнь превратилась бы в пустыню, деяния людей стали бы злодеяниями, а культура погибла бы в океане нового варварства.

Эту таинственную связь человека со священными силами, или «прообразами», которые открываются ему в недрах его семьи и рода, с дивною силою почуял и выговорил Пушкин: один раз – в язычески-мифологической форме, именуя эти прообразы «пенатами», или «домашними божествами»; другой раз – в обращении к тому, что знаменует жилище семьи и священный прах предков.

.....

...Еще единый гимн –
Внемлите мне, пенаты, – вам пою
Обетный гимн, советники Зевеса...

.....

Примите гимн, таинственные силы!..

.....

Так, я любил вас долго! Вас зову
В свидетели, с каким святым волненьем
Оставил я ... людское племя,
Дабы стеречь ваш огонь уединенный,
Беседуя с самим собою. Да,
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне знать сердечну глубь,
В могуществе и немощах его,
Они меня любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они науке первой учат:
Чтить самого себя. О нет, вовек
Не преставал молить благоговейно
Вас, божества домашние¹.

¹ Этот неоконченный набросок я привожу с некоторыми сокращениями. Курсив Пушкина. Ср. еще у Пушкина великолепное стихотворение «Домовой». Комментарии к нему читатель найдет в № 9 журнала «Русский Колокол».

Так, из духа семьи и рода, из духовного и религиозно осмысленного приятия своих родителей и предков родится и утверждается в человеке *чувство собственного духовного достоинства*, эта первая основа внутренней свободы, духовного характера и здоровой гражданственности. Напротив, презрение к прошлому, к своим предкам и, «следовательно», к истории своего народа порождает в человеке безродную, безотечественную, рабскую психологию. А это означает, что *семья есть первооснова Родины*.

Во втором отрывке Пушкин выражает эту мысль с еще большею точностью и страстностью.

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва;
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без божества.

Так, семья есть первичное лоно человеческой духовности, а потому и всей духовной культуры и прежде всего Родины.